

Саеггареева Алися Абелгасовна, Аспирант,
Институт права Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия
Заместитель прокурора Орджоникидзевского района, г. Уфы

К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ В РОССИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА И УЧАСТИЯ В НЕМ

Аннотация. Предметом осмысления в статье стали особенности исторического развития преступных сообществ в России. Автор считает, что история преступных сообществ неотделима от истории преступности и истории российского общества.

Автор выделяет четыре этапа развития преступных сообществ - этап ранней государственности и формирующихся уголовно-правовых запретов; императорский этап; советский этап и современный этап. Первый этап характеризуется зарождением таких форм преступной деятельности, как коллективная преступность. На втором этапе в структуре преступности формируется четкая иерархия. Участники преступного сообщества подвергались уголовному наказанию за участие в преступном сообществе. Третий этап заключается в попытках нейтрализовать организованную криминальную преступность путем ужесточения уголовной ответственности. Четвертый этап характеризуется дальнейшим ростом организованной преступности и совершенствованием форм преступных организаций.

Ключевые слова: Преступность, преступное сообщество, историческое развитие, уголовно-правовые запреты.

Представляется актуальным описать основные вехи истории преступных сообществ в России на фоне данных о развитии преступности в России, а также выяснить особенности уголовно - правовых запретов этой формы соучастия.

Несмотря имеющую место историческую динамику, смену исторических эпох, войны, революции и иные социальные катаклизмы, преступные сообщества по принципам своей организации и формам преступной деятельности (т.е. в своей основной, сущностной юридической характеристике) остались неизменными. Также неизменным оставался вектор правовой политики государства: практически на протяжении всей истории имели место соответствующие уголовно-правовые запреты, предусматривающие повышенную, более строгую ответственность за коллективные формы совершения преступлений.

«Эмпирическая» история преступных сообществ неотделима от истории преступности вообще, а история преступности неотделима от истории общества, поскольку норма и патология всегда идут «рука об руку» в любом типе общества, как это убедительно доказал В.Н. Кудрявцев еще в 80-х годах XX столетия [1].

Истории преступности в России посвящена обширная литература [2]. Имеются исследования и в области истории организованных преступных формирований [3].

Анализ этой литературы дает основания утверждать, что преступные сообщества – явление историческое, они появляются как вид асоциальных действий в определенный период общественной истории и продолжают существовать и совершенствоваться вместе с развитием и изменением общественных отношений. Процессы глобализации, повлиявшие на преступность, это отлично доказывают [4].

Чтобы познать историю преступных сообществ и историю правовых запретов этих деяний, потребуется по возможности обосновано и четко указать на условия возникновения преступных сообществ, обстоятельства и детали их реального генезиса и то, каковы по

содержанию нормы права, запрещающие эти деяния. Такой подход можно рассматривать как метод историзма в познании предмета.

Знакомство с эмпирическими данными о преступности прошлого позволяют нам выделить несколько этапов в истории преступных сообществ и истории уголовно-правовой регламентации этих явлений.

Первый этап – этап ранней государственности, характеризующийся первичным формированием уголовно-правовых запретов ранних форм соучастия в преступной деятельности (XII—XVII вв.).

Документы («памятники права») свидетельствуют, что в разные исторические периоды преступники именовались специальными терминами, такими как «вор», а преступник – профессионал – термином «лихой человек». В то же время, нет никаких данных о том, что в этот период древнерусское государство входило в тонкости уголовно-правовой регуляции института соучастия или подобных феноменов.

Обратимся к первому известному памятнику уголовного законодательства этой эпохи – «Русской правде». Текстуальный анализ этого документа показывает, что уже в XI веке на Руси в самом общем виде выделяли совершение преступления группой. Если оценивать санкции в этом законе, то можно отметить разные меры наказания (штрафы) за преступление, совершенное одним лицом, и более крупный штраф назначался, если воров было несколько.

Анализ более поздних юридических документов - Судебников 1497, 1550, 1589, 1606-1607 г.г. и особенно Соборного Уложения 1649 г. показывает, что постепенно законодатель вводил более четкие правовые черты преступлений, совершенных в группе – предтечи современных форм соучастия.

Так, «Стоглав» - Судебник 1551 года вводит новый уголовно-правовой признак совместной преступной деятельности – «заговор».

Соборное Уложение 1649 г. в гл. 2 ст. 18 использовало понятия «скоп» и «заговор» для обозначения толпы, объединенных предварительным соглашением. В этом же законе проводится четкая дифференциация соучастников на главных виновников, пособников (ст. 1 гл.5) и подстрекателей (ст. 12, 13, 19 главы 22). Отдельно назывался укрыватель преступления, как соучастник, занимающийся этим как ремеслом – «стан» (ст. 21 гл. 21) [5].

Оценивая эти новации Соборного Уложения 1649 г., следует отметить тот вклад, который внес этот законодательный акт в дальнейшее совершенствование уголовно-правовых запретов различных форм института соучастия.

В целом этот период характеризуется в криминологическом аспекте - зарождением таких форм преступной деятельности, как коллективная преступность, для которой мы усматриваем естественные причины формирования: преступление, совершаемое сообществом имело больше шансов быть успешным и результативным, что могло вызвать к жизни такую ее проявления как групповые формы совершения преступлений. В юридической литературе вопросы уголовно-правового регулирования в Русском государстве были предметом содержательного анализа исследователей [6].

В юридическом аспекте есть основания рассматривать этот период истории правового регулирования преступности (точнее истории уголовно-правовых запретов) как фрагментарный - законодательство этого этапа имело не полный и не сформированный характер, характеризовалось отсутствием четкого правового института соучастия.

Второй этап – императорский (XVII в. – начало XX в.) в целом занимает около трех веков и выделяется нами вследствие того, что на этом этапе активно формируется российское законодательство вообще и уголовное законодательство о преступлениях в особенности.

В социальном плане этап характеризуется ростом преступности и активным противодействием властей Российской империи количественному увеличению уголовных девиаций. Законодательство этого периода было предметом научных исследований в отечественной юриспруденции [7].

Обратим внимание на криминологические аспекты преступности, активное формирование которой на этом этапе не могло не способствовать развитию преступных формирований разного толка.

Как отмечает В. Чалидзе, «преступный мир в дореволюционной России развивался характерными для всего мира путями. Уже к концу XVII, началу XVIII века в России складывается (пока стихийно) своеобразная корпорация бродяг. В XIX веке эти нищие, промышлявшие мелким воровством и попрошайничеством, представляют собой довольно многочисленную группу преступников. Именно они и стали основателями существующего до сегодняшних дней "ордена" воров ... Кроме воров к началу XX века хорошо отлаженной организацией преступного промысла отличаются банды конокрадов (разведка, кража, перековка и перекраска лошадей, перегон, сбыт), мошенников (лже-страховые агенты, лже-кредиторы, лже-банкроты и т.д.), картёжных шулеров, фальшивомонетчиков» [8].

На эти новые криминальные явления пыталась отреагировать российская державная власть. В частности, 15 августа 1845 года указом императора Николая I было утверждено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, введенное в действие с 1 мая следующего года.

В Уложении в Отделении 3 (статья 14) устанавливались виды *соучастия в преступлении*: по предварительному сговору участников и без предварительного сговора. Соучастники делились на зачинщиков, сообщников, подговорщиков, подстрекателей, пособников, попустителей и укрывателей.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (во второй редакции 1866 года) упоминало о трех формах участия в преступлении: без предварительного соглашения (скоп), по предварительному соглашению (заговор) и шайка. В первом случае различались главные виновные и участники, во втором - зачинщики, сообщники, подговорщики, или подстрекатели, и пособники. Причастными к делу признавались попустители, укрыватели и недоносители. Для каждой категории участников преступления определена особая мера ответственности, отправной точкой которой служило наказание, положенное за содеянное.

В соответствии со ст. ст. 923 - 926 Уложения под *шайкой* понималось составление сообщества для совершения ряда преступлений: разбоя, зажигательства, выделки или привоза фальшивых денег, кражи, мошенничества, подделки документов, привоза контрабанды, подкупа должностных лиц. Шайка могла существовать как преступное сообщество, составленное для совершения одного или нескольких, заранее определенных, преступлений.

Участники этого преступного сообщества наказывались даже тогда, когда не совершали никакого преступления: закон карал за само составление шайки [9].

В криминологическом аспекте своеобразие этого этапа заключается в том, что в структуре преступности явно прослеживается сформированная четкая иерархия.

В преступном мире отчетливо просматривается «дно» - бродяги-попрошайки. Считалось, что настоящий преступник может вести только такой – кочевой образ жизни, без дома, без семьи, не сотрудничая с государством и ни в коем случае не работая. Бродяги никогда не были самыми преуспевающими преступниками, однако, всегда пользовались уважением "коллег", а слово "бродяга" получает дополнительное значение – друг, приятель.

Более высокое положение в криминальной иерархии занимала группа преступников, занимавшаяся грабежами, убийствами – и была наименее уважаема в преступном мире.

На этом этапе формируется многочисленная группа профессиональных воров. Всего насчитывалось около 30 «специальностей». Наиболее высоко в иерархии стояли воры, чьё ремесло было связано с "техническими навыками". Древнейшая воровская специальность – карманник. Одних только специализаций карманников (по месту совершения краж: транспорт, улица, базар; по предпочитаемым карманам: боковой, внутренний, задний) насчитывалось десятки. Воры-карманники, совершавшие "гастроли" за рубеж ("марвихеры") считались элитой этой специальности. Высоким статусом в преступном мире обладали "медвежатники" и "шниферы" – взломщики (первые взламывали или взрывали, вторые подбирали коды и ключи).

Особо следует выделить профессиональные группы преступников - конокрадов, в среде которых формируются группы соучастников преступлений по краже лошадей.

Однако эта группа воров всегда считалась отверженной. Вероятно, это связано с жестокими расправами над конокрадами в случае их поимки, так как лошадь была одним из главных и дорогих "сельскохозяйственных орудий". Кроме того, конокрадство всегда считалось "цыганской специальностью". Цыгане представляли собой этническую группу, отделенную от большинства других социальных общностей собственными нормами, ценностями, потребностями, культурой, языком.

Наивысшую ступень преступной иерархии занимали мошенники и фальшивомонетчики. Мошеннические операции с векселями, акциями и другими ценными бумагами, направленные на обман государства, а иногда и частных лиц, требовали чёткой разработки и виртуозного исполнения. Мошенники занимались подделкой драгоценных камней ("фармазонщики"), совершали обман на размене ("менялы"), существовали брачные аферисты, лже-благотворители и др. Эти формы преступной деятельности также требовали высокой организации, «разделения труда», и совместной деятельности в разных формах соучастия, в том числе в форме организованных групп.

Третий этап – советский (1917 - 1993 г.г.). Уголовное законодательство после Октябрьской революции 1917 г. установило целый ряд форм соучастия в совершении преступлений. То, что в большинстве случаев формы эти были установлены применительно к контрреволюционным преступлениям, являлось непосредственным отражением всего характера уголовного законодательства этого периода, предусматривающего борьбу с наиболее опасными видами преступлений.

Законодательные акты первого-второго года существования Советской власти включали в круг соучастников исполнителей, пособников, подстрекателей, организаторов, укрывателей и недоносителей. Особо выделяется ответственность организаторов. В круг соучастников отдельные декреты включали лиц, прикосновенных к совершению преступления, — укрывателей, недоносителей.

Принятые Наркомюстом РСФСР и изданные 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» [10] являлись своего рода опытом обобщения практики «чрезвычайного правосудия» военного времени и выступали инструкцией для судов в первые два года существования диктатуры большевистской партии.

«Руководящие начала» явились попыткой Народного комиссариата юстиции систематизировать нормы Общей части социалистического уголовного права. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» содержат в себе «Введение», за которым следуют VIII разделов. Нас будет интересовать раздел V, который называется «О соучастии», включающий всего 4 статьи.

Статья 21 излагает общую точку зрения «Руководящих начал» на соучастие: «За деяния, совершенные сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как

исполнители, так и подстрекатели и пособники. Меры наказания определяются не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния».

Как видно из содержания ст. 21, «Руководящие начала» различают преступления, совершенные шайкой, бандой и толпой, не давая, впрочем, определения этих понятий. Среди соучастников различаются подстрекатели, исполнители и пособники. «Руководящие начала» считают исполнителями тех, «кто принимает участие в выполнении преступного действия, в чем бы оно ни заключалось» (ст. 22).

Определения иных видов соучастников «Руководящие начала» дают следующим образом: «Подстрекателями считаются лица, склоняющие к совершению преступления» (ст. 23). Наконец, «пособниками считаются те, кто, не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния, содействует выполнению его словом или делом, советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления или попустительством, т. е. не препятствованием совершению преступления» (ст. 24).

Как в советской юридической литературе, «установленный в ст. 21 «Руководящих начал» общий принцип определения соучастникам наказания по сути дела противоречит самой идее ответственности соучастников. Указывая, что «мера наказания определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния», «Руководящие начала» тем самым отказываются от института соучастия: с этой точки зрения нет никакой надобности устанавливать по конкретным делам роль подстрекателей, исполнителей и пособников, а достаточно подходить ко всем соучастникам с критерием их опасности» [11].

Преемником вышеназванного документа 1919 г. выступает УК РСФСР 1922 г.

До УК РСФСР 1922 г. появился проект УК РСФСР 1921 г., который, в свою очередь, воспроизвел положение «Руководящих начал»: 1) соучастие определяется как совершение деяния сообща группой лиц, что не точно в отношении соучастия в узком смысле слова; 2) к числу пособников причисляются как укрыватели, так и попустители.

Однако вместе с тем проект 1921 г. внес весьма важное, принципиальное изменение. По ст. 21 «Руководящих начал» в отношении соучастников «мера наказания определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния». Проект 1921 г. установил, что «мера наказания определяется как степенью участия, так и степенью опасности преступника и совершенного им преступления» (ст. 22). Эта формула была включена и в УК 1922 г. Из сказанного можно сделать вывод о том, что преступное сообщество не рассматривалось законодателем как одна из форм преступной деятельности.

В 1960 г. принят новый УК РСФСР, в котором проблема юридического регулирования интересующего нас вопроса решалась принципиально иначе – более совершенно, продуманно и юридически системно.

В частности, по п. 2 ст. 39 «Обстоятельства, отягчающие ответственность» УК РСФСР совершение преступления организованной группой признавалось обстоятельством, отягчающим ответственность.

В статьях Особенной части УК РСФСР предусматривалась самостоятельная уголовная ответственность за такие формы организованной преступной деятельности, как «Бандитизм» (ст. 77 УК РСФСР) и «Организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации» (ст. 72 УК РСФСР).

В последующем в действующий тогда УК РСФСР 1960 г. были внесены ряд серьезных новелл.

В частности, были внесены дополнения уголовного законодательства по вопросам борьбы с организованной преступностью. Уголовный кодекс РСФСР был дополнен статьей

17¹ «Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой», которая содержала признаки формы соучастия «организованная группа» [12].

В частях 2 и 3 этой статьи организованной группой признавалась устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Лицо, создавшее организованную группу либо руководившее ею, несло ответственность за все преступления группы, если они охватывались его умыслом.

Также этот квалифицирующий признак был добавлен в ряд статей Особенной части УК РСФСР. В частности подверглись изменениям ст. 78 «Контрабанда», ст. 87 «Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг», ст. 144 «Кража», ст. 145 «Грабеж», ст. 146 «Разбой», ст. 147 «Мошенничество», ст. 147¹ «Присвоение вверенного имущества», ст. 148¹ «Неправомерное завладение транспортным средством, лошадью или иным ценным имуществом без цели хищения», ст. 169¹ «Нарушение таможенного законодательства Российской Федерации», ст. 213³ «Терроризм», ст. 213² «Угон воздушного судна», ст. 218¹ «Хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ», ст. 224¹ «Хищение наркотических средств».

Четвертый этап исторического развития российских преступных сообществ и их правового регулирования (уголовно-правовых запретов) охватывает временной период с 1993 г. по настоящее время. Назовем этот этап *современным*.

Преступность этого периода характеризуется дальнейшим ростом организованной преступности, преступности экстремистской и террористической направленности, совершенствованием форм преступных организаций. При этом причинами преступности остаются комплекс факторов, о которых давно говорят российские криминологи [13].

Особенностью этого периода стал рост организованной преступности. Как пишет В.Е. Эминов, «организованная преступность — это наиболее опасный и разрушительный для общества и государства вид криминальной деятельности. Она оказывает супернегативное и деформирующее воздействие на социально-Экономические, морально-психологические, социокультурные и иные базовые ценности и процессы в обществе. В организованную преступность активно вовлекаются самые разные социальные слои общества.

За последние 10 лет количество организованных преступных формирований в России увеличилось в 16 раз, в пять раз возросло число их участников. В настоящее время, по данным МВД России, на территории Российской Федерации действует около 150 крупных преступных сообществ, которые пользуются поддержкой коррумпированных должностных лиц всех уровней власти, располагают прочными и влиятельными позициями в государственных органах, включая правоохранительные, могучим аппаратом лоббирования своих интересов в представительных структурах» [14].

Данные обстоятельства, выделенные В.Е. Эминовым, безусловно говорят о реальной опасности и росте организованных форм российской преступности, что, как можно убедиться далее, повлекло соответствующие правовые меры защиты, осуществленные российским законодателем.

С 1 января 1997 г. вступил в силу новый УК РФ, в котором нормы, содержащие правовую регламентацию и запреты, имеющие целью борьбу с организованными группами, содержатся как в Общей, так и в Особенной части. При этом следует отметить, что понятие организованной группы, содержащееся в части 3 ст. 35 УК РФ практически дублирует юридическое содержание статьи 17¹ УК РСФСР.

Посмотрим, как распределяется квалифицирующий признак «совершенное организованной группой» в статьях Особенной части УК РФ.

На момент принятия УК РФ в Особенной части была предусмотрена 71 статья, содержащая этот признак. Наиболее часто статьи, предусматривающие самостоятельную от-

ветственность за совершение конкретного преступления организованной группой, помещены законодателем в раздел VIII Особенной части «Преступления в сфере экономики» и раздел IX Особенной части «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

В настоящее время в Особенной части УК РФ насчитывается **114** статей с квалифицирующим признаком совершения преступления организованной группой.

Таким образом, на основании анализа исторических данных о развитии преступности в России, начиная с древнейших времен до наших дней, следует прийти к выводу о необходимости выделить *четыре этапа истории развития преступных сообществ в России* (и, соответственно, 4 этапа истории правового регулирования этого асоциального явления).

Выделение этих этапов позволяет глубже понимать сущность организованной преступности и динамику ее изменений с учетом исторической эпохи существования.

Список литературы:

1. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука. 1982.
2. Чалидзе В. Уголовная Россия. Нью-Йорк. Изд-во «Хроника». 1977; Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.
3. Долгова А. И. Организованная преступность, её развитие и борьба с ней. М., 2001; Скотинина В. Н. Эволюция дореволюционного российского уголовного законодательства об ответственности за организацию преступного сообщества // "Черные дыры" в российском законодательстве. 2008. № 2; Рогов В.А. Проблемы истории русского уголовного права (XV – середина XV11 века). Дис... уч. степени доктора юид. наук. М., 1999; Косталевский Я. История организованной преступности в России. М., 2004.
4. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М.: Норма. 2007.
5. Российское законодательство 10-20 веков. Том 3. М.: Юрид. лит. 1985.
6. Рогов В.А. Уголовное право и карательная политика в Русском государстве, XV-XVII вв. : Учеб. пособие / Всесоюз. юрид. заоч. институт. - М. : ВЮЗИ, 1990;
7. Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV-XVII вв.). Москва: Юрлитинформ. 2012.
8. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.
9. Российское законодательство 10-20 веков. Том 3. М.: Юрид. лит. 1985.
10. Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
11. История советского уголовного права / Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., и др. М.: Юрид. издательство МЮ СССР. 1948.
12. Федеральный закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Собрание законодательства РФ. 04.07.1994. N 10. Ст. 1109.
13. Антонян Ю. М. Концепция причин преступности и причины преступности в России // Российский следователь. 2004. № 8. С. 26-32; Гордейчик А.А. К вопросу о биосоциальных факторах преступности // Российский криминологический взгляд. 2007. № 2.
14. Эминов В.Е. Причины преступности в России: Криминологический и социально-психологический анализ. М.: Норма: ИНФРА-М. 2011.

